

СОМОВА Елена Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Elena V. SOMOVA

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof., Department of the History of Russian Literature, Literary Theory and Criticism, Kuban State University, Krasnodar, Russia
ist_rus_lit@mail.ru

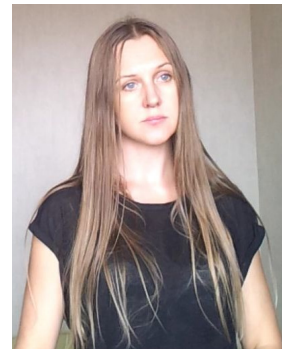

СВИТЕНКО Наталья Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Natalia V. SVITENKO

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof., Department of the History of Russian Literature, Literary Theory and Criticism, Kuban State University, Krasnodar, Russia
svitenko@list.ru

**Кавказ как топос
русской литературы: типология
литературных путешествий (по
страницам отечественной поэзии
и беллетристики XX – XXI веков)**

Обзор поэзии и беллетристики XX–XXI вв. позволил выделить основные типологические модели литературных путешествий на Кавказ и определить специфику каждой из них: «экскурсия», «паломничество», «бегство». Кавказ – главный романтический топос русской литературы, место метафизической «прописки» поэтов. Этим определяется потребность возврата туда, замещение собою автора или героя классического кавказского сюжета, ностальгическое читательское путешествие «в страну воспоминаний».

Ключевые слова: Кавказ, романтический топос русской литературы, литературицентричное сознание, типологические модели литературных путешествий, самореализация в роли автора и героя, метафизическое пространство.

**The Caucasus as the Topos of
Russian Literature: Typology of
Literary Journeys (Through the
Pages of Russian Poetry and Fiction
of the 19th – 20th Centuries)**

The review of poetry and fiction of the 19-th – 20-th centuries made it possible to point out main typological models of literary journeys to the Caucasus and define specification to each of them: “excursion”, “pilgrimage”, “escape”. The Caucasus is the main romantic topos of Russian literature, a place of metaphysical registration of poets. It determines the necessity of returning there, self-substitution of the author or a character of a classical Caucasian plot, a nostalgic reader’s journey to “the country of memories”.

Keywords: the Caucasus, Romantic topos of Russian literature, literature-centered consciousness, typological models of literary journeys, author’s and character’s self-realisation in a role, metaphysical continuum.

Став в первой половине XIX в. главным литературным топосом русского романтизма, будучи востребован в этом качестве и в XX столетии¹ Кавказ до наших дней остаётся Меккой русских поэтов, писателей и читателей – обладателей литературоцентричного сознания и менталитета.

Наша задача – определить главные интенции литературного восприятия Кавказа, обозначив основные типологические модели литературных путешествий на Кавказ русских поэтов и писателей XX–XXI вв.

Задуманные и предпринятые литературные путешествия могут быть подразделены на четыре основных типа: экскурсия, паломничество, бегство, возврат.

Модель «экскурсии» на Кавказ заложил В. В. Маяковский («Тамара и Демон», 1924), блистательно выступив в роли праздного любопытствующего столичного поэта-пролетария уровня Ивана Бездомного: От этого Терека в поэтах истерика. / Я Терек не видел. / Большая потерийка. / Из омнибуса / вразвалку / сошёл, / поплеывал / в Терек с берега, / совал ему / в пену / палку. / Чего же хорошего? / Полный развал! / Шумит, / как Есенин в участке. / Как будто бы / Терек / сорганизовал, / проездом в Боржом, / Луначарский» [16, т. 3, с. 68].

Тенденция оказалась плодотворной. Молодая «поэтесса» Катя Карпович («На минеральных живительных водах», 2013) примеряет на себя роль современной княжны Мери: «Под Пятигорском, где мамочкам отдых, / дочкам стаканчик, старинный романчик, / долго ищущая я, балда, поэтесса, тень чело- века с кривыми ногами / и, получив в грудь отрыжку железа, / воду железную пью стака- нами» [10].

Измельчание налицо. Базаровская самоирония Маяковского скрывала его романтическую сущность, неожиданно и неизбежно пробуждающуюся здесь, среди теснин и хребтов: «Хочу отвернуть заносчивый нос / и чувствую: стану на грани я. / Овладевает мною гипноз / воды и пены играние...» [16, т. 3, с. 68].

¹ «Издравле русский наш Парнас / Тянуло к незнакомым странам, / И больше всех лишь ты, Кавказ, / Звенел загадочным туманом». (С. Есенин, 1924) [7, с. 142]. «До свиданья, Кавказ, мы тебя любили / Больше, чем Кострому или Вятку...» (А. Кушнер, 1982) [13, с. 129].

Катя Карпович праздное любопытство не изображает. Именно оно и заставляет ее обозревать местные достопримечательности, главная из которых – поручик с печальными глазами (для нее – с кривыми ногами) – ну-ка, где он тут? Тень не материализуется – недостаёт для этого ни голоса, ни страсти, ни масштаба личности «экскурсантки». Да и потребности, собственно, нет. К перевоплотившемуся в «нового Демона» Маяковскому «Лермонтов сходит, презрев времена»; героине К. Карпович, которой «всё уж понятно в юные лета» [10], поэт не является.

Возможно, это и к лучшему. «Экскурсанты» идут потоком, и массово растиражированная сюжетная коллизия Маяковского о нисхождении в современный мир Лермонтова теряет оригинальность и убедительность. «Прилежно говорят экскурсоводы / о зависти, о ссоре роковой, / О творческом пути певца свободы, / Оборванном злодейскою рукой...» «Но глядя на венок из бронзы тяжелой, / На лиру, победившую века, / Всё чудилась мне белая фуражка, / Забытая на склоне Машука» (А. Коваленков. «Лермонтов в Пятигорске», 1954) [11, с. 24]. «Рассказу гида живо все внимают. / А я всё жду – начнутся чудеса... / Спокойно Лермонтов сойдет к нам с пьедестала / и сам стихи начнет для нас читать» (И. Бжиская. «У памятника Лермонтову», Пятигорск, 2002) [2].

Вослед и «в пику» Маяковскому пишет в 1924 г. стихотворение «На Кавказе» С. Есенин. Мотивация собственного появления здесь изначально иная, хотя не вполне ясна самому лирическому герою: «А ныне я в твою безглаз / пришел, не ведая причины: / Родной ли прах здесь обрыдать / Иль подсмотреть свой час кончины» [7, с. 142]. Смутная потребность приводит его сюда, где «Пушкин в чувственном огне / Слагал душой своей опальной: / «Не пой, красавица, при мне / Ты песен Грузии печальной»; где лечил свою тоску и «был пулей друга успокоен» Лермонтов; где «спит под плач зурны и тари» Грибоедов. Его приезд сюда – смесь паломничества и бегства от «зол и бед» столичной жизни. Желание очиститься и обрести новое поэтическое дыхание и голос движет им. Он просит Кавказ: «Ты научи мой русских стих / Кизилowym струиться соком. / Чтоб, воротясь опять в Москву, я мог прекрас-

нейшей поэмой / Забыть ненужную тоску / И не дружить вовек с богемой» [7, с. 144].

Подобно Есенину, за год с небольшим до добровольного ухода пишет стихотворение о Кавказе Борис Рыжий. «Господи, только не сразу / финку мне всаживай в грудь. / Дай дотянуть до Кавказу. / Дай сочинить что-нибудь» [21, с. 375–376]. Вспоминает он, в отличие от Есенина, предшественника «маргинального», чьё имя, в отличие от Лермонтова, Пушкина, Грибоедова, Марлинского, не стало литературной эмблемой Кавказа: «Яков Петрович Полонский / пишет стихи про Кавказ» («Тонкой дымя папирасой», 1999). А в подтексте ещё два имени, краса и гордость грузинской поэзии – Николоз Бараташвили и Галактион Табидзе («Цвет небесный, синий цвет полюбил я с малых лет» (Н. Бараташвили) [5, с. 186]; «Мчатся кони, кони, кони на Вселенском ипподроме, / Мчатся синие фантомы по разомкнутым кругам» (Г. Табидзе) [23, с. 192]); «Тонкие черные кони / в синие прут облака» (Б. Рыжий) [21, с. 375–376].

Кавказ не спас, не обезболит. Но и просили поэты не о жизни – о творчестве. Эта просьба была исполнена. С. Есенин, как и стремился, создал в 1925 г. поэму «с большой эпической темой» «Анна Снегина». Б. Рыжий в 1994 г. получил «Антибукера», а в 2000-м выпустил свой единственный прижизненный сборник «И всё такое...».

Ведомая «Тоской по Лермонтову» (стихотворение 1964 г.), совершает литературное паломничество в Грузию Б. Ахмадулина. Она пытается духовным зрением увидеть, «где он стоял? Вот здесь, где монастырь / Еще живет всей свежестью размаха, / Где малый камень с легкостью вместил / великую тоску того монаха...» [1, с. 408]. В отличие от Есенина, ее мольба очищена от собственных творческих притязаний, обращена только к Лермонтову: «Стой на горе! Не уходи туда, / Где только-то! – Через четыре года / Сомкнется над тобою навсегда / Пустая, совершенная свобода! / Стой на горе! Я по своим следам / Найду тебя под солнцем, возле Мцхета. / Возьму тебя всем зреньем, не отдам, / И ты спасён уже, и вечно это» [1, 409].

Перекликаются с ахмадулинским «поиском глаза» строки «паломнического» сти-

хотворения Вл. Смирнова «Светлая тень Лермонтова», 2010-е гг.: «Здесь он стоял в сиянье голубом, / Душа собой вершину продолжала...»; «Я исходил подножье Машука...» [22].

Здесь даже дышится по-особому: «этот горский, этот лермонтовский воздух / Наподобие господнего подарка» (О. Ермолаева, 1997) [6]. «Тут надышаться всласть никак нельзя – / Так поэтичен воздух Пятигорска» (В. Смирнов) [22].

Но не всегда попытка проехать по «святым местам», повторяя маршрут Лермонтова, приводит к желаемому духовному просветлению. В стихотворении С. Бодруновой «Я ехал на перекладных из Тифлиса» (2005), она превращается в дорогу разочарований. В себе, в исторической и современной действительности, чью пошлость и неприглядность так резко оттеняет создававшаяся здесь большая литература. «Пусть пишет Печорин – / Бумаги в дороге размокли, размякли, / И жалкие люди ютятся по саклям, Живут и не ведают слова «не так ли», / Зигзагов позерства, фатальных пентаклей...», «Один над стремниной, ни конный, ни пеший, / Ублюдок режима, осколок имперский, / Рассказчик, узнавший из авторских версий, / Что кто-то умрет, возвращаясь из Персий... / Куда? – Неизвестно куда». [3]. Лермонтовский трагизм усугубляется пушкинским – о нём напоминает не только реминисценция из стихотворения «Кавказ», но и аллюзия на финал «Осени»: «Плывет... Куда ж нам плыть?» [20, т. 3, с. 248]².

Потребность бегства на Кавказ как иллюзорную надежду на освобождение сформулировал для себя и «диссидентов» последующих имперских эпох сам Лермонтов: «Быть может, за стеной Кавказа сокроюсь от твоих пашей...» [14, с. 213]. Этот импульс лег в основу сюжета лучшего историко-фантазийного романа Б. Ш. Окуджавы «Путешествие дилетантов» (1978), показавшего, между прочим, типологическое

² «Любопытно сопоставить с отечественными поэтами мотивацию появления на Кавказе иностранного «туриста» (Матей Шопкин. «Обращение к М. Ю. Лермонтову», пер. с болгарского Вс. Кузнецова, 2002). Оставляя за скобками художественность исполнения, следует отдать должное причинам и цели его появления здесь: «Поручик Лермонтов, простите, / Что Вас тревожу в этот час. / Сюда явился навестить я / Любимый Вами так Кавказ. / Чтoб исповедаться делами, – / Как перед маршалом солдат... / И превратить призыв в присягу...» [25].

сходство николаевского и советского тоталитаризма в их отношении к интеллигенту-одиночке – герою и изгою времени.

Главный герой романа, князь Сергей Мятлев, потрясенный гибелью двух друзей-поэтов – ссыльного вольнодумца в стычке с горцами (А. А. Бестужев-Марлинский) и «злого и насмешливого гения» на дуэли (М. Ю. Лермонтов), «выпадает» из светского круга – общества – государства, лишаящего его права и надежды на автономное существование. Невыносимость несвободы, ее несовместимость с жизнью вынуждают Мятлева и его возлюбленную Лавинию бежать по маршруту, указанному друзьями: поручиком Амираном Амилахвари (авторским двойником) и тем, другим – погибшим «насмешливым гением». Они надеются «укрыться» в краю лермонтовском, окуджавовском, благословенном, где «друзей созову, на любовь своё сердце настрою, а иначе зачем на земле этой вечной живу» (Б. Окуджава. «Грузинская песня», 1967) [17]. Именно эту надежду Д. Быков называет верной приметой дилетантизма. «Дилетант – это тот, кто надеется сбежать от государственного гнета в Кавказский рай, в личное счастье, в имение; вообще дилетант – тот, кто надеется!» [4]. Иллюзия в очередной раз разбивается: за стеной Кавказа физически укрыться нельзя. Единственная возможность для «усталого раба» – иной побег: «в обитель дальнюю трудов и чистых нег» [20, т. 3, с. 258].

Часто такой обителью становится... Кавказ. Не реальный – литературный. Где «Берег – письменный стол. Море – чернильница» (В. Каменский. «Прибой в Сухуме», 1922) [9, с. 125].

Наличие двух Кавказов – для «нас» и для «них» – осознают в стихах Б. Ахмадулина и С. Бодрунова. Первая – с мудрой и жертвенной снисходительностью поэта. «Неужто всё – для этих, загорелых / и ни одной не прочитавших книги?..», «Я упасу их от моей печали, / от грамоты моей высокопарной... / О Море-Небо! Ниспошли им легкость. / Дай мне беды, а им – добра и чуда» (Б. Ахмадулина. «Гагра. Кафе «Рица», 1979) [1, с. 435–436], вторая – с жесткой неприязнью и к «низким истинам» жизни и «возвышающему обману» литературы («Какая картина!.. дневная картинка: / Грузинка в

начале, в конце осетинка, / кокетка, красотка, крестьянка, кретинка, / и контрабандистка, и полублядинка...» (С. Бодрунова. «Я ехал на перекладных из Тифлиса», 2005) [3].

Литературный Кавказ становится частью культурной памяти русского писателя и читателя, его «страной воспоминаний». И обостряется с возрастом потребность возврата туда.

«Читательский» вариант возвращения на Кавказ – это ностальгическое путешествие в собственные детство и юность, когда первые взхлёб были прочитаны «Мои любимые писатели – Г. А. Печорин, И. П. Белкин» (Вера Павлова, «Молчанья золотоискатели», 2009) [18], и воскресить эти ощущения – дорогого стоит. «На улицах туман. / Послушать бы «Тамань» / По радио! / Чтоб лермонтовский дар, / Как в детстве, как тогда, – / Порадовал...»; «Что может быть сильнее страны воспоминаний?!» (Н. Матвеева. «Тамань», 1995) [15].

Для классического русского читателя классическая русская литература, даже в самых печальных её эпизодах, – радость и утешение, согласно бессмертному пушкинскому рецепту: Как мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу Фигаро» [20, т. 5, с. 313–314]. А. Кушнер: «И когда мне бывает тоскливо, с полки / Не бутылку шампанского (нет бутылки), / Не «Женитьбу» беру «Фигаро», а долгий / Этот путь вспоминаю и полдень пылкий»: «Поднималась арба в туче белой пыли, / и живому поэту погибший фору / В восемь лет баснословных давал, – в рогожу, / Очевидно, завернут или в холстину?» («До свиданья, Кавказ, мы тебя любили») [13, с. 129]. «Откуда вы?» – спросил я их. «Из Тегерана». – «Что вы везете?» – «Грибоеда». – Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис» [20, т. 6, с. 451]. И всё это: «Пост казачий, / раскинутые палатки, / Горы, словно их плавил и гранили, / Горький дым, запах смерти и воздух сладкий, / И столичный журнал, где его бранили» [13, с. 129], – становится драгоценным личным воспоминанием.

«Писательский» вариант возвращения на Кавказ предполагает самореализацию в двух ролях: автора и героя. Первую модель воплощает Борис Акунин, написавший под псев-

донимом-анаграммой А. О. Брусникин роман «Герой иного времени» (2010). Мотивацию создания подобного рода произведений в своё время озвучил М. Зощенко в предисловии к своей «Шестой повести Белкина»: «В классической литературе было несколько излюбленных сюжетов, на которые мне чрезвычайно хотелось бы написать. И я не переставал жалеть, что не я придумал их». Он же разъясняет принцип работы со знаменитыми сюжетами: «У живописцев в отношении копии дело обстоит проще. Там достаточно «списать» картину, чтобы многое понять. Но копия в литературе значительно сложнее. Простая переписка ровным счетом ничего не покажет. Необходимо взять сколько-нибудь равноценный сюжет и, воспользовавшись формой мастера, изложить тему в его манере... сделать сносную копию с отличного произведения не есть ученическое дело, а есть мастерство, и весьма нелегкое» [8, т. 6, с. 15].

Однако, по нашему убеждению, роман «Герой иного времени» написан не для демонстрации мастерства и даже не для подтверждения того, что сюжеты и характеры классической литературы жизнеспособны и неисчерпаемы, но ради удовольствия от самого процесса письма – погружения в любимый мир Лермонтова, Марлинского, Толстого, оживления их героев – кавказских пленных, ссыльных, ратных, горцев... В духе классической мистификации повествование представляет собой фрагменты «Записок старого кавказца» отставного офицера Г. Ф. Мангарова, якобы изданных в Санкт-Петербурге в 1905 г. Он стремится походить на любимого литературного героя Печорина, но понимает, что всего лишь Грушницкий по сравнению с героем подлинным – персонажем предыдущей эпохи, декабристом Олегом Никитиным.

Возвращение в роли героя предполагает подстановку СЕБЯ на место литературного персонажа какого-либо классического кавказского сюжета. Подобное замещение виртуозно проделывает Маяковский в «Тамаре и Демоне»: «Любви я ждался, / мне 30 лет. / Полюбим друг друга. / Попросту. / Да так, / чтоб скала / распостелилась в пух. / От черта скраду и от бога я! / Ну

что тебе Демон? / Фантазия! Дух! / К тому ж староват – мифология» [16, т. 3, с. 68]. Да и где ему, добавим, тягаться с настойчивым по-мужски и по-пролетарски Маяковским.

Раздражающая ёрническая интонация подобной поэтической «подстановки» характерна и для Д. Пригова: «В полдневный зной в долине Дагестана/ С свинцом в груди лежал недвижим я / Я! Я лежал – Пригов Дмитрий Александрович / Кровавая еще дымилась рана / По капле кровь сочилась – не его! не его! – моя! (Д. Пригов. «Долина Дагестана», 1989) [19]. Интересна полемика об этом стихотворении в апрельском номере журнала «Литература» за 2014 год. Профессор Т. Г. Кучина видит в нём готовность «поэта-графомана» «собственной кровью заплатить за место на литературном Олимпе, потеснив классика» [12, с. 56]. Резко возражает редактор С. Волков, нашедший в приговских стихах «свойство настоящей лирики: она присваивается читателем и становится повествованием о нём...», испытывающий от них «настоящий, а не постмодернистский озноб» [12, с. 57].

Настоящий озноб – и от стихотворного посвящения Б. Рыжего уральскому поэту-земляку О. Дозморову. Как сон – «Свердловск, набитый ласковым ворьем / и туповатыми ментами. / Гнилая Пермь. Исетский водоем...». А наяву: «Мы здорово отстали от полка. / Сокрыл туман последнюю звезду. / Из мрака бездна вырастает. / Храпят гнедые, чуя пустоту. / И ветер ментики срывает. / И сердце набирает высоту» («Памяти Полонского», 1998) [21, с. 214–215].

Возвращение поэта на высоты Кавказа есть окончательный возврат в своё метафизическое пространство: «Небо поэтов» – «первое от земли небо, вторая земля» (М. Цветаева) [24, т. 5, с. 362]. Место сужденной ему земной смерти и вечной жизни. «Руки крестом, / крестом / на вершине... / Луна. / Подмною / Лыдистый Машук» (В. Маяковский. «Про это», 1923) [15, т. 2, с. 248]. «Артериальной теплой кровью я захлебнусь под Машуком» (Б. Рыжий. «У современного героя», 1999) [21, с. 248].

Эта пульсирующая кровь питает литературную почву Кавказа, делая её плодоносной.

Использованная литература:

1. Ахмадулина Б. Поэзия народов Кавказа в переводах Беллы Ахмадулиной: Сборник. М.: Дедалус, 2007.
2. Бжиская И. К памятнику М. Ю. Лермонтову [Электронный ресурс] // Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru/2005/10/15-145> (дата обращения 27.04.15).
3. Бодрунова С. С. Я ехал на перекладных из Тифлиса [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2005/3/bod13-pr.html> (дата обращения 27.04.15).
4. Быков Д. Л. Булат Окуджава [Электронный ресурс] // Imwerden.info: Электронная библиотека Александра Белоусенко. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/bykov/bykov_okudzhava.htm (дата обращения 27.04.15).
5. Грузинские романтики. М.: Художественная литература, 1989.
6. Ермолаева О. Ю. Этот горский, этот лермонтовский воздух. Три стихотворения // Новый мир. 1997. № 11. С. 138-141.
7. Есенин С. А. Рябиновый костер. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1975.
8. Зоценко М. М. Собрание сочинений: в 7-ти т. М.: Время, 2008.
9. Каменский В. В. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1966.
10. Карпович К. На минеральных живительных водах... [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2013/2/15k.html> (дата обращения 27.04.15).
11. Коваленков А. Лермонтов в Пятигорске [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2005/3/bod13-pr.html> (дата обращения 27.04.15).
12. Кучина Т. Г. «И звезда с звездой говорит»: диалоги современных поэтов с Лермонтовым // Литература. 2014. № 4. С. 55-58.
13. Кушнер А. С. В новом веке: Стихотворения. М.: Прогресс-Плейда, 2006.
14. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1988.
15. Матвеева М. Тамань [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/1995/4/golosa2.html> (дата обращения 27.04.15).
16. Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1978.
17. Окуджава Б. Ш. Грузинская песня [Электронный ресурс] // Word Art. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7067> (дата обращения 27.04.15).
18. Павлова В. А. Молчанья золотоискатели [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2009/2/pa4.html> (дата обращения 27.04.15).
19. Пригов Д. А. Долина Дагестана [Электронный ресурс] // Lib.ru: «Классика». URL: <http://lib.ru/ANEKDOTY/prigow.txt> (дата обращения 27.04.15).
20. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977.
21. Рыжий Б. Б. Оправдание жизни. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
22. Смирнов В. Светлая тень Лермонтова [Электронный ресурс] // Ростовский словарь. URL: <http://rslovar.com/content/мой-лермонтов-стихи-ростов>

References:

1. Akhmadulina, B., *Poeziya narodov Kavkaza v perevodakh Belly Akhmadulinoy: Sbornik* (The Poetry of the Peoples of the Caucasus in Translations by Bella Akhmadulina: Digest), Moscow: Dedalus, 2007.
2. Bzhiskaya, I., K pamyatniku M. Yu. Lermontovu (To Mikhail Lermontov Monument), in **Stikhi.ru**. <http://www.stihi.ru/2005/10/15-145>. Accessed 27 April, 2015.
3. Bodrunova, S. S., Ya ekhal na perekladnykh iz Tiflisa (I Was Driving on the Chaise from Tiflis), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2005/3/bod13-pr.html>. Accessed 27 April, 2015.
4. Bykov, D. L., Bulat Okudzhava (Bulat Okudzhava), in *Imwerden.info: Elektronnaya biblioteka Aleksandra Belousenko*. http://www.imwerden.info/belousenko/books/bykov/bykov_okudzhava.htm. Accessed 27 April, 2015.
5. *Gruzinskie romantiki* (Georgian Romantists), Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989.
6. Ermolaeva, O., Yu., Etot gorskiy, etot lermontovskiy vozdukh. Tri stikhotvoreniya (This Highland, this Lermontov Air. Three Poems), *Novyy mir*, 1997, no. 11. pp. 138-141.
7. Esenin, S. A., Ryabinovyy koster. Stikhotvoreniya (Rowan Fire. Poems.), Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1975.
8. Zoshchenko, M. M., *Sobranie sochineniy* (Collected Works), 7 vols., Moscow: Vremya, 2008.
9. Kamenskiy, V. V., *Stikhotvoreniya i poemy* (Poetry and Poems), Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1966.
10. Karpovich, K., Na mineral'nykh zhivitel'nykh vodakh... (On the Life-Giving, on the Mineral Waters), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/arion/2013/2/15k.html>. Accessed 27 April, 2015.
11. Kovalenkov, A., Lermontov v Pyatigorske (Lermontov in Pyatigorsk), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2005/3/bod13-pr.html>. Accessed 27 April, 2015.
12. Kuchina, T. G., «I zvezda s zvezdoyu govorit»: dialogi sovremennykh poetov s Lermontovym («And Star Is Speaking to Star»: the Dialogues of Contemporary Poets with Lermontov), *Literatura*, 2014, no. 4, pp. 55-58.
13. Kushner, A. S., *V novom veke: Stikhotvoreniya* (In the New Century: Poems), Moscow: Progress-Pleyada, 2006.
14. Lermontov, M. Yu., *Sochineniya* (Works), 2 vols., Moscow: Pravda, 1988.
15. Matveeva, M., *Taman'* (Taman), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/arion/1995/4/golosa2.html>. Accessed 27 April, 2015.
16. Mayakovskiy, V. V., *Sobranie sochineniy* (Collected Works), 12 vols., Moscow: Pravda, 1978.
17. Okudzhava, B. Sh., Gruzinskaya pesnya (Georgian Song), in *Word Art*. <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7067>. Accessed 27 April, 2015.
18. Pavlova, V. A., Molchan'ya zolotoiskateli (The Miners of the Silence), in *Zhurnal'nyy zal*. <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2009/2/pa4.html>. Accessed 27 April, 2015.
19. Prigov, D. A., Dolina Dagestana (Valley of Dagestan), in *Lib.ru: «Klassika»*. <http://lib.ru/ANEKDOTY/prigow.txt>. Accessed 27 April, 2015.
20. Pushkin, A. S., *Polnoe sobranie sochineniy* (Complete Works), 10 vols., Leningrad: Nauka, 1977.
21. Ryzhiy, B. B., *Opravdanie zhizni* (Justification of Life), Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004.

ских-поэтов (дата обращения 27.04.15).

23. Табидзе Г. В. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. М.: Советский писатель, 1983.

24. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ти т. М.: Эллис Лак, 1994.

25. Шопкин М. Обращение к М. Ю. Лермонтову [Электронный ресурс] // Музей-заповедник «Тарханы». URL: http://www.tarhany.ru/lermontov/podarki-poety/matej_shopkin (дата обращения 27.04.15).

22. Smirnov, V., Svetlaya ten' Lermontova (Light Shadow of Lermontov), in *Rostovskiy slovar'*. <http://rslovar.com/content/moy-lermontov-stikhi-rostovskikh-poetov>. Accessed 27 April, 2015.

23. Tabidze, G. V., Stikhotvoreniya. *Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya* (Poems. Library of the Poet. A Large Series.), Moscow: Sovetskiy pisatel', 1983.

24. Tsvetaeva, M. I., *Sobranie sochineniy* (Collected Works), 7 vols., Moscow: Ellis Lak, 1994.

25. Shopkin, M., Obrashchenie k M. Yu. Lermontovu (An Address to Lermontov), in *Muzey-zapovednik «Tarkhany»*. http://www.tarhany.ru/lermontov/podarki-poety/matej_shopkin. Accessed 27 April, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Сомова, Е. В. Кавказ как тоpos русской литературы: типология литературных путешествий (по страницам отечественной поэзии и беллетристики XX – XXI веков) [Электронный ресурс] / Е. В. Сомова, Н. В. Свитенко // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 31-37. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Somova_Svitenko.pdf. (дата обращения дд.мм.гг.).

Full bibliographic reference to the article:

Somova, E. V., and Svitenko, N. V., Kavkaz kak topos russkoy literatury: tipologiya literaturnykh puteshestviy (po stranitsam otechestvennoy poezii i belletristiki XX – XXI vekov) (The Caucasus as the Topos of Russian Literature: Typology of Literary Journeys (Through the Pages of Russian Poetry and Fiction of the 19th – 20th Centuries), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2. pp. 31-37. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Somova_Svitenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.